

УДК 81.1:141.319.8

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Ф.Х. Айтеева

Рассматривается идея антропоцентричности языка, взаимосвязь языка и культуры, лингвокультурология как продукт антропоцентрической парадигмы в современном языкознании.

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма; язык и культура; лингвокультурология; языковая личность, концепт.

ANTHROPOCENTRIC PARADIGM IN MODERN LINGUISTICS

F.Kh. Aitekova

The article studies the anthropocentric idea of the language, relation of language and culture, linguoculturology as a product of anthropocentric paradigm in modern linguistics.

Key words: anthropocentric paradigm; language and culture; linguoculturology; linguistic personality; concept.

Новая – антропоцентрическая – лингвистическая парадигма признает аксиоматическим утверждение о том, что нельзя изучать язык вне человека и что проблема единства мышления и языка/речи не может быть решена, если не решен вопрос о единстве когнитивного и аффективно-мотивационного в деятельности языковой личности [1, с. 4].

В науке о языке традиционно выделяются три научные парадигмы: сравнительно-историческая (характерная для языкознания XIX в. и основанная на сравнительно-историческом методе), системно-структурная (в центре внимания которой находится слово) и антропоцентрическая, «возвратившая человеку статус «меры всех вещей» и вернувшая его в центр мироздания» [2, с. 64]. В рамках данной научной парадигмы интересы исследователя «переключаются с объектов познания на субъект, т. е. анализируется человек в языке и язык в человеке» [3, с. 6].

Язык всегда признавался самой яркой определяющей характеристикой этноса. Проблема «язык и культура», «язык и человек» была одной из центральных в языкознании XIX в. и рассматривалась в трудах В. фон Гумбольдта, Э. Бенвениста, Г. Штейнталя, А.А. Потебни и других ученых. Однако в первой половине XX столетия она была отнесена на второй план, и язык стал рассматриваться «в самом себе и для себя». Как справедливо отмечает Ю.К. Волошин, «многие десятилетия лингвисты изучали «человека молчавшего» (язык

был как бы сам по себе, а человек – сам по себе). Осознание необходимости изучать язык и человека комплексно, т. е. «говорящего человека», побудило исследователей уделить серьезное внимание всем аспектам этой сложной проблемы» [4, с. 20].

Таким образом, идея антропоцентричности языка является ключевой в современной лингвистике. С позиций данной парадигмы, человек познает мир «через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем», и это придает ему право «творить в своем сознании антропоцентрический порядок вещей», который определяет его «духовную сущность, мотивы его поступков, иерархию ценностей» [3, с. 6–7].

Антропоцентрическая парадигма лингвистики XX в. делится на четыре взаимосвязанных, но, тем не менее, разных направления. Первое направление исследует язык как «зеркало» человека, базовым для него является понятие языковой картины мира, а основной задачей – изучение того, как человек отражает себя в языке. Второе направление – коммуникативная лингвистика, ее характеризует интерес к человеку в первую очередь в его отнесенности к процессу коммуникации. Третье направление изучает, прибегая к данным других наук, роль языка в познавательных процессах и когнитивной организации человека. Четвертое направление антропоцентрической лингвистики, не имея собственного названия, нацелено на выяснение того, каким образом язык существует в са-

мом человеке. С.Г. Васильева предлагает называть данный раздел языкознания внутрисубъектной лингвистикой или же теорией носителя языка [5]. Ее основателем признается И.А. Бодуэн де Куртене, который считал, что «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество».

Язык – довольно сложное и многогранное явление. Чтобы отразить это, Ю.С. Степанов представил его в виде нескольких образов: 1) язык как язык индивида; 2) язык как член семьи языков; 3) язык как структура; 4) язык как система; 5) язык как тип и характер; 6) язык как компьютер; 7) язык как пространство мысли и «дом духа» [6, с. 6]. В конце XX в. язык стал рассматриваться также как «продукт культуры, как ее важная составная часть и условие существования, как фактор формирования культурных кодов» [6, с. 6]. Появились новые установки и цели исследования языка, новые ключевые понятия и методики.

Таким образом, формирование антропоцентрической парадигмы привело к «развороту лингвистической проблематики в сторону человека и его места в культуре, ибо в центре внимания культуры и культурной традиции стоит языковая личность во всем ее многообразии: Я – физическое, Я – социальное, Я – интеллектуальное, Я – эмоциональное, Я – речемыслительное» [3, с. 7]. «Все языкознание пронизано культурно-историческим содержанием, ибо своим предметом имеет язык, который является условием, основой и продуктом культуры» [3, с. 8].

Культура имеет коммуникативно-деятельностную, ценностную и символическую природу. Язык не просто теснейшим образом связан с ней: он «прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее» [3, с. 9]. Ведь, как известно, «все тонкости культуры народа отражаются в его языке, который специфичен и уникален, так как по-разному фиксирует в себе мир и человека в нем» [3, с. 3].

Ю.К. Волошин отмечает, что «культура зачастую сама по себе нема, и в этих случаях ей без языка не обойтись» [4, с. 5].

Идея о взаимосвязи этих двух понятий нашла свое отражение в лингвокультурологии – науке, возникшей на стыке лингвистики и культурологии и исследующей «проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке». Основу категориального аппарата данной научной дисциплины составляют термины «языковая личность» и «концепт».

В настоящее время известны различные подходы к изучению языковой личности. Прежде всего, под этим термином понимается человек как но-

ситель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности, – по существу личность речевая. Также под ним понимается совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения, – личность коммуникативная. И, наконец, под «языковой личностью» может пониматься закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре – личность словарная, этносемантическая [2].

Концепт определяется как «сгусток культуры в сознании человека; то в виде чего культура входит в ментальный мир человека и как то, «посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [6]. Выделение концепта как ментального образования, отмеченного лингвокультурной спецификой, – это закономерный шаг в становлении антропоцентрической парадигмы гуманитарного, в частности, лингвистического знания. В концепте безличное и объективистское понятие авторизуется относительно этносемантической личности как закрепленного в семантической системе естественного языка базового национально-культурного прототипа носителя этого языка» [2, с. 67].

Итак, антропоцентрическая парадигма выводит на первое место человека, а язык считается его главной характеристикой, важнейшей составляющей. Культура и язык – «антропоцентрические сущности, они в человеке, служат человеку и без человека не имеют смысла» [7, с. 23]. Лингвокультурология является «продуктом» антропоцентрической парадигмы в современной лингвистике. Языковая личность и концепт – ее базовые категории, «отражающие ментальность и менталитет обобщенного носителя естественного языка и предоставляющие этой научной дисциплине исследовательский инструмент для воссоздания прототипического образа «человека говорящего» [4, с. 72]. Лингвокультурологическое понимание концепта состоит в его закреплении за определенным способом языковой реализации, которое отличает его от логического и общесемиотического. Концепт отличается определенными характеристиками от понятия, значения и смысла. Понятие – это то, о чем люди договариваются, их люди конструируют для того, чтобы «иметь общий язык» при обсуждении проблем; концепты же существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью (не) уверенности [8, с. 610]. Концепт,

в отличие от понятия, – это сфера смысла, которая составляет мнения и знания, а понятие же связано со значением. В лингвистическом понимании концепта наметился ряд подходов, но культурологический подход к исследованию концепта, к самому процессу концептуализации в контексте антропоцентрической парадигмы, находится в начальной стадии научных исследований. Лингвистические исследования сферы смысла с его составными частями как мнение и знание, становятся наиболее значимыми для культурологии, которая существенно обогатится лингвистическими данными о сущности концептуализации, ее составляющих, которые особенно значимы именно для понимания культуры. С этой точки зрения концепт может быть понят в аспекте выявления наиболее существенных для данной культуры семантических образований, ключевых для понимания национального менталитета как специфического отношения к миру его носителей. К ключевым ментальным образованиям, отражающие мир человека, относятся концепты «Жизнь» и «Смерть» наряду с другими метафизическими концептами, как «Душа», «Истина», «Свобода», «Счастье», «Любовь» и др. Эти ментальные сущности высокой либо предельной степени абстрактности отражают целый спектр духовных ценностей, смысл которых может быть явлен лишь через символ – знак, предполагающий использование своего образного предметного содержания для выражения содержания абстрактного. Основываясь на данном положении, можем констатировать, что концепты образуют особую концептуализированную область, где устанавливаются семантические ассоциации между метафизическими смыслами и явлениями предметного мира, отраженными в слове, в котором отражаются духовная и материальная культуры.

Совокупность концептов как семантических единиц, отражающих культурную специфику мировосприятия носителей языка, образует концептуальную область, соотносимую с ментальностью как способом видения мира. Этническая специфика концептов «Жизнь» и «Смерть» в русской и английской лингвокультурах проявляется в ментальных, когнитивных, эмотивных и поведенческих моделях, закрепленных в языке.

Следует отметить особо, что языковая концептуализация как совокупность приемов семантического представления плана содержания лексических единиц может быть различной в русской и английской культурах. Концепт, определяемый как основная единица национального менталитета индивидуального мировосприятия и миропонимания, репрезентируется национальной языковой личностью. В изучаемых базовых человеческих ка-

тегориях в представленных лингвокультурах существуют не только сходства, но и различия. Так, например, в русской и в английской лингвокультурах абсолютной ценностью может являться только одна концепция: жизнь приравнивается к абсолютному добру, а смерть – к абсолютному злу. В восприятии англичан добродетельная жизнь коррелирует с представлениями о заслуженно хорошей смерти, например, в аспекте деятельностного подхода: 1. *The candle lights others and consumes itself* (= one should do as much good to the others as he can in his lifetime – нужно делать столько хорошего другим, сколько он может в течении жизни, т. е. для других использовать себя как пламя свечи); 2. *The dead and only they should do nothing* (= one should be active all life long – нужно быть активным вся жизнь долго, т. е. мертвые, и только они, ничего не должны делать); 3. *Idle men are dead all their life long* (*the same* – в том же значении, т. е. неработающие мужчины мертвы всю свою жизнь); 4. *Life is not all beer and skittles* (= be ready to overcome the hardships that life brings – быть готовым преодолеть трудности, которые жизнь приносит), т. е. жизнь не все пиво и кегли); 5. *He that lives on hope will die fasting* (= get ready to act rather than have illusions – нужно быть готовым действовать, а не иметь иллюзии, т. е. тот, кто живет в надежде, умрет, постясь). В основе жизненных норм в приведенных примерах лежат принципы, проповедуемые протестантской религией. Спасение смертных в протестантизме связана со способностью полностью отдаваться деятельности в рамках своей профессии (см. 7 с. 95–96: "... *Beruf* ... (*разрядка наша*) ... в этом понятии заключена оценка, согласно которой выполнение долга в рамках мирской профессии рассматривается как наивысшая задача нравственной жизни человека. Неизбежным следствием этого были представления о религиозном значении мирского будничного труда и создание понятия «*Beruf*» в вышеуказанном смысле. Следовательно, в понятии «*Beruf*» находит свое выражение тот центральный догмат всех протестантских исповеданий, который отвергает католическое разделение нравственных заветов христианства на «*praecipita*»* и «*consilia*»**, – догмат, который единственным средством стать угодным Богу считает не пренебрежение мирской нравственностью с высот монашеской аскезы, а исключительно выполнение мирских обязанностей так, как они определяются для каждого человека его местом в жизни; тем самым эти обязанности становятся для человека его «призванием»). Таким образом, христианским долгом перед Богом должно быть таковым, чтобы его жизнь как добродетель, была таковым, как "... стремление к труду было свойственно еще Адаму (до грехопадения)

в качестве вложенного в него Богом инстинкта, которому он следовал в своем «единственном желании быть угодным Богу») (ук. соч.).

В русской лингвокультуре о добродетельной жизни человека, где одним из основных принципов является также неустанный труд, как и в английской, показывают следующие примеры: 1. *В те поры будет досуг, когда вон понесут.* 2. *На том свете отдохнем (выспимся).* Ср.: The dead and only they should do nothing; The grave is a good rest; There will be sleeping enough in the grave. 3. *Жизнь прожить - не поле перейти (не рукавицей трянуть).* Ср.: Life is not all beer and skittles. 4. *Гулять смолоду – помирать под старость с голоду.* Ср.: He that lives on hope will die fasting.

В русской и английской лингвокультурах антропоцентрическая парадигма в языковой концептуализации названных базовых человеческих категориях имеет не только сходные представления, но и существенные различия, например, кроме добродетельной жизни, отметим некоторые из них: семантическое разграничение (в русской лингвокультуре), смерть – как добро, чем позор, бесчестье, рабство, неволя, трусость, стыд (в русской лингвокультуре); отношение к страданию и отчаянию в английской лингвокультуре безгранично (в русской лингвокультуре – это грех) и др.

Таким образом, сопоставительный анализ позволил выявить в концептах «Жизнь» и «Смерть» как сходные, так и национально-специфические характеристики, в центре которых стоит человек, то есть «человек в языке».

Литература

1. *Лазариди М.И.* Психические состояния в поле-вом описании: номинативно-функциональный аспект: Монография / М.И. Лазариди. Бишкек: Издательство МПСИ, 2011. 356 с.
2. *Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
3. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. М.: Издательский центр Академия, 2001. 208 с.
4. *Волошин Ю.К.* Общий американский сленг: состав, деривация и функция (лингвокультурологический аспект): Монография / Ю.К. Волошин. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2000. 282 с.
5. *Васильева С.Г. И.А.* Бодуэн де Куртэнэ и антропоцентрическая парадигма лингвистики XX в. / С.Г. Васильева. URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=94128>.
6. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
7. *Вебер М.* Протестанская этика и дух капитализма // Избранные произведения / М. Вебер. М.: Прогресс, 1990.
8. *Демьянков В.З.* Термин «концепт» как элемент терминологической культуры / В.З. Демьянков // Язык как материя смысла: сб. ст. в честь академика Н.Ю. Шведовой / отв. ред. М.В. Ляпон. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. (РАН: Институт русского языка им. В.В. Виноградова).